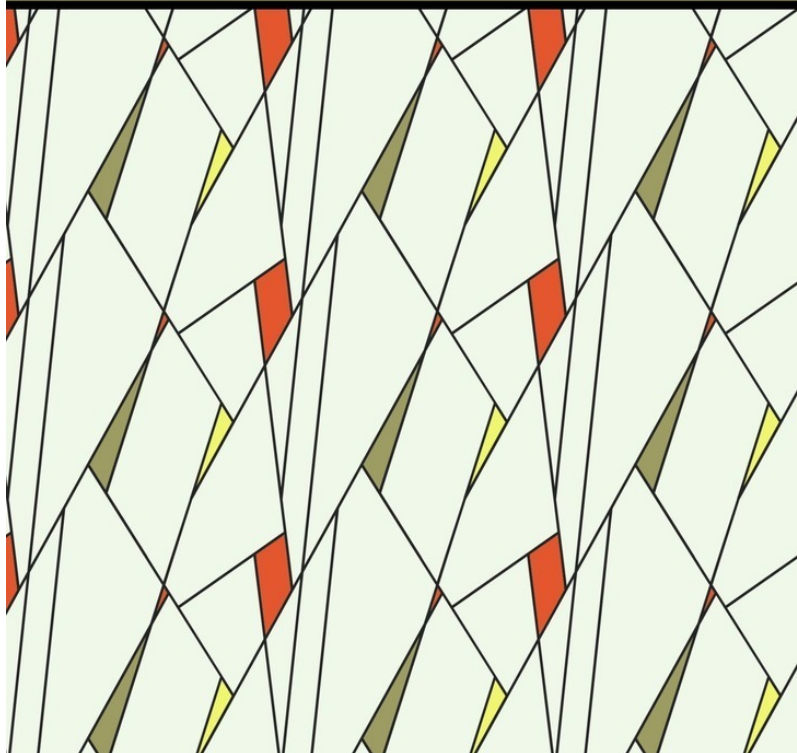

СЕРГЕЙ КОЛЧИН

Веселенькие рассказы

Сергей Колчин

Веселенькие рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38838071

ISBN 9785449358431

Аннотация

В книге представлены веселенькие рассказы, не связанные единым сюжетом. Юмор, черный юмор – что еще надо для хорошего настроения?

Содержание

Все будет хорошо	5
Мужские забавы или бедный Юрик	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Веселенькие рассказы

Сергей Колчин

© Сергей Колчин, 2018

ISBN 978-5-4493-5843-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все будет хорошо

Маша родилась в тот день, когда правительство повысило акцизы на водку. Впрочем, совпадение отнюдь не насто- рожило ошалевшего папашу, и Алексей Скворцов надрался в хлам.

Весь следующий день его рвало какой-то дурно пахнувшей желчью под обидные упреки домашних, и он решил – за- вязываю, коль такое дело, коль знаки такие недобрые жизнь с правительством подбрасывают.

Примечательно, что никто в семье не одобрил его реши- тельного поступка. Отец у виска покрутил, мать сказала, что так сразу бросать вредно, нужно постепенно, и, вообще, она в одной программе смотрела, как врач, солидный такой, по- ложительный весь из себя, советовал, что для здоровья по- лезно ежедневно пятьдесят граммов коньяка. Тут даже отец расхохотался. «Может оно это и пользительно, – говорит, – но наш человек никогда такой порцией не ограничивается. Ментальность не та.»

Жена же, Надюха, вообще обидно так рассмеялась, узнав про его решение. Ну-ну, типа сказать хотела, не по Сеньке шапка.

Назло им всем Алексей решил как-то переосмыслить свою жизнь, наполнить, ее новым содержанием что ли. Без водки этой проклятой.

Первую неделю трезвости Алексей посвятил новорожденной дочери. Он добросовестно дежурил у кровати, менял подгузники, носил плачущий кулек на руках, но заметил для себя, что стал относиться к дочке враждебно. Даже один раз во время очередного ора обозвал ту поганкой. Нехорошо это, ох как плохо! Ну, ничего, вот подрастет, будем вместе на футбол ходить, на рыбалку ее возьму, утешал себя Скворцов. Хотя какой футбол, какая рыбалка! Всухую совершенно бессмысленные мероприятия. Да и девчонку Надюха родила, не сына. Накой девке футбол с рыбалкой? Чем дольше Скворцов вглядывался в сморщенное розовое личико с пухлыми губами, жадно сосущими соску, тем более убеждался, что ни на фиг той ни футбол, ни рыбалка, что в сухую, что в мокрую. И от червя пищать начнет, коли сейчас вовсе без всякой причины разорется.

Отцовский пыл быстро угас, и Скворцов решил посвятить свободное время самосовершенствованию. С этой целью перво-наперво он посетил библиотеку, благо та находилась в соседнем доме. Он заполонил формуляр, протянутый очкастой библиотекаршей, серой мышью неопределенного возраста, явно без постоянного мужика. Среди пыльных стеллажей Скворцов растерялся и немного струхнул. Когда только успели все это понаписать? Делать людям нечего. Надо с детства не пить, чтобы хотя бы одну полку осилить. Дабы не позориться перед очкастой, Алексей взял книгу, что потолще, и предьявил на выходе. «Хороший вы-

бор», – одобрила библиотекарьша.

«Не замутить ли с ней?» – вяло подумал Скворцов, но еще раз оценив наружность очкастой и вспомнив, что в завязке, эту мысль непутевую оставил.

Несколько дней он переживал, после работы шел не домой, а гулял по городу. Как-то забрел в филармонию на какого-то Шнитке, обплевался потом. Удивлялся наплыву публики. Просто муравьиная дорожка к кассе. Что-то было унижительное в том, что остальные понимают ему недоступное. Будто недоделанный он какой недочеловек, что ли.

Назло семейству Скворцов посетил также выставку живописи и краеведческий музей. Здесь хотя бы все понятно: лошади пасутся, закат над речкой, портрет женщины с бусами, древние каменные топоры... Но все одно – не цепляло. «Неужто меня природа обделила, не дала мне никаких положительных наклоностей?» – тоскливо размышлял Скворцов. Разве виноват он, что не дано ему вести полки и переходить всякие там реки?

Ночами Скворцову снились застолья с обильными возлияниями, да так натурально, что утром тянуло на опохмелку.

Но слово свое Скворцов держал крепко, не принимал ни грамма и уже через месяц растерял всех друзей, в том числе Володьку Лопату и Коляна Брандспойта, а те не просто друзья были, а закадычные. С восьмого класса вместе выпивали. Одиннадцать приводов в милицию на троих, а драк совместных и не сосчитаешь.

И дома как-то все разладилось. Алексею стали скучны вечерние разговоры и прочая ненужная суета. Домашние, будто стоворившись, измывались над трезвенником, соблазняли всячески. Супруга в пику ему пристрастилась на сон грядущий к вишневой наливке, мать сменила шампунь на пиво, коим регулярно промывала редееющие волосы. Хранилось пиво на глазах, в холодильнике. Свежее, запотевшее, манящее.

Но дальше всех пошел отец. Если раньше Скворцов-старший употреблял исключительно в выходные, дни аванса и получки, а также по случаю государственных и религиозных праздников и, само-собой, дня взятия Бастилии (это святое), то теперь выставлял на стол бутылку водки ежедневно и под одобрительные взгляды жены и дочери принимал свои законные три рюмки, ибо, как известно, Бог троицу любит и нам велел. Еще и хрустел нарочито смачно соленым груздем, распространяя вокруг пахучую укропно-луковую субстанцию.

Видеть такое было невыносимо.

Неприятности поджидали Алексея и на работе. «Отделяешься от коллектива», – упрекнул начальник и уполовинил Скворцову квартальную премию. Объяснил так: «Теперь тебе и этого за глаза».

Через два месяца Скворцов поднял руку на жену, чего ранее даже по-пьяни не случалось. Показалось ему, что неприветливо встретила его Надюха. Не улыбнулась, а ухмыльну-

лась криво.

«И чего я на нее окрысился? – пожалел тут же Скворцов. – Любит ведь меня как-никак. На день рождения у шпротин хвосты срезала».

«Выпил бы ты уж, Лешенька. Всем легче с того будет. А то не по-людски как-то жить стали», – взмолилась измученная женщина и принесла спящую дочурку. Та неожиданно скобочилась и чихнула: «Ай пси!»

И вот тут Скворцов сорвался. Он стремглав рванулся на кухню, выхватил из холодильника отцовскую водку, наполнил до краев первую попавшуюся чашку и, запрокинув голову, прикончил ее в три глотка. Мгновенно он почувствовал тепло, разливающееся внутри организма и, преодолевая легкое головокружение, налил по-новой, но пить сразу повременил. Скворцов отрезал дольку от свежего огородного помидора, немножко подсолил, помазал сверху сметаной, на нее положил зеленый лук, укроп, петрушку и для аромата дольку молодого чеснока. Этим сооружением он закусил и потянулся за сигаретой.

После третьей затяжки к Алексею неслышно подкралась Надюха. Он уловил ее мягкое дыхание и неожиданно осознал: «Все будет хорошо».

Мужские забавы или бедный Юрик

Никому не посоветую зимнюю рыбалку на Финском заливе. Одни сборы способны возбудить ненависть к этому водоему.

Вопрос жизни и смерти – не забыть запасные шерстяные носки и рукавицы.

Загружаемся с соратниками в машины. Те уже опохмеленные, оттого воодушевлены сверх обычного и шутят сально. А время – восемь часов утра.

Приехали к заливу, разгрузились. Смотрю, а вдоль берега щиты – на лед заходить строго запрещено; подледный лов строго запрещен; рыбы нет; не курить!

Впереди же, куда не кинуть взгляд – всюду рыбаки в тулупах и ушанках. Сидят они себе на раскладных стульчиках, не шевелятся. Рядом с каждым термос и ведро. Не удивлюсь, если фильм про пингвинов в Антарктиде, что недавно по «Культуре» показывали, здесь снимали.

Медленно иду по льду. Одежда на мне тяжелая. Ветер в лицо. Вьюга снег закручивает. Замерз сразу, несмотря на всю ватную амуницию. Щеки колет.

Главный затейник догоняет. Усы в инее. Санта Клаус недоделанный. Коловорот протянул, крути лунку, мол, а я отродясь ничего тяжелее компьютерной мышки не использовал. Но коловорот беру, словно дело привычное мне и пле-

вое, лунки в льдине изготавливать. А что делать прикажете? Приходится соответствовать, коли влип так по собственной глупости.

Рядом соратники рассаживаются. Матерятся. Должно быть, о родине думают.

Чтобы отвлечься, подбираю рифмы к слову «рыбалка». В голову лезет сплошная нецензурщина.

Через час старший подходит, подбадривает. Ничего, мол, моя такую ушицу забабахает, сам знаешь.

Да знаю, знаю. Не оторвать слонопотамину от плиты. Срослись. Интересно, на что его благоверная больше обижается, когда он называет ее жирной поросятиной или толстомясой обезьяной? Хрен поймешь. Судя по ее виду, ей давно аббивалентно общение на вербальном уровне.

Только по мне лучше уши, чем в «Авроре» не сыскать.

Сижу, для вида леской подергиваю. Все мысли о горячей ванне. Вот залягу в пенку, возьму томик Пришвина... Или «Му-му» перечитаю. Давно собирался.

Лишь бы до дома добраться.

В это самое время чья-то льдина откололась и начала дрейф в обход линии Манергейма. Пингвины засустились, удочки побросали. Я бы очень хотел, чтобы старший наш на той льдине был. Но то желания пустые. Знает он, в каком месте лунки выковыривать. Хитрый гад.

Вскоре спасательный вертолет зажужжал. Смотрю, а с него папанинцам веревочную лестницу спускают. Не по-

нимаю, зачем на этих деньги налогоплательщиков тратить? Пусть лучше их финны интернируют. Думаю, со мной согласилось бы большинство россиян. Разве только пенсионерки, что кошек в квартирах держат, одобрили бы спасательную операцию. Им то что, они подоходный не платят.

Казалось, что может быть отвратительнее подледного лова? Только таежная охота. Она с месяц длится, а лов – неполные сутки. Можно перетерпеть.

Это только в кинах разных таежная романтика. На деле же – большего издевательства над гомосапиенс я не встречал. Идешь по бездорожью в сопровождении туч кровожадного гнуса, кругом лес стеной. Рюкзак за тридцать кило. Как не укладывал, а все одно консервы под лопатку упираются.

Двустволка по ляжке бьет. Мозоль на правой пятке натер.

Наконец, дошли до места. Лежу под кустом. Бедного зверя подстерегаю. Комары у ушей довольно пищат. По обе стороны – соратники. Из кустов ружьями оцетинились. Мечтаю о теплом море. Вдруг придумал рисунок: представьте себе длинный песочный пляж, над ним растяжка – No topples, please, а всюду на лежаках лежат арабки в черных хиджабах, загорают. И тут, в самый разгар моих мечтаний, вдруг аккурат по темечку бьет меня плотная кедровая шишка. Больно как! Вспоминаю по матушке сэра Исаака Ньютона, того самого, который в Вестминистерском аббатстве червей накормил. Вот гадина лысая в парике!

Вскоре пальба началась. Я в землю вжался и ружье в небо

разрядил. Загадал: если соратники друг друга перестреляют, курить брошу. Не сбылось. Мазилы чертовы. Кури теперь дальше из-из них, трави родной организм.

Плетусь за соратниками к очередной таежной избушке. Верст двадцать до нее с гаком по чащобе. Дойду ли? Подбираю рифму к слову «охота». Лучше других соответственно ситуации ложится «пехота». Дойдем если – пьянка жуткая начнется. Нутром чую, что налижется старший и в тысячный раз расскажет, как эвенкийки медведям животы вспарывали. Бросят косолапому шарик воска, тот его хватать машинально лапами – те и склеились. Бери теперь хозяина тайги тепленьким, режь ему животик ножичком востреньким. По тому, как старший раньше это описывал, ясно мне было, что ох как хотел бы он на месте тех эвенкиек оказаться. Хотя непременно добавлял, что мужчины эвенкийские на медведя не ходили – слишком легкая охота, не мужицкая.

К удивлению моему, добрался я со всеми до избушки той таежной.

Вечер неминуем, а там бардовская самодеятельность начнется под издававшие виды гитары с потертыми наклейками. Поют соратники непременно с хрипотцой. О, Боже! Как это вынести? Я Битлз люблю. Особенно песню про яичницу. А у нас тушенка холестеринная и картошка запеченая. Причем старший велит ее с кожурой жрать. Говорит, что вся польза в коже этой обгорелой. У меня все время зубы скрипят.

Сижу на лапнике, подпеваю соратникам, чтобы не выделяться. А то еще морду набьют. Эти могут. На семейных торжествах регулярно друг дружке морды чешут вовсе без повода. Исключительно по удали молодецкой.

Специально выучил песенки и про лыжи, что стоят у печки (хотя при чем тут лыжи в нашем-то случае?), и про дона с магдалиной (про эту так и не понял, о чем она). А куда деваться?

В перерывах между бардовскими песнями жрем спирт. Всенепременно нужно жрать чистый спирт. Положено так. Не нами заведено, не нам и нарушать. А я виски люблю. Но спиртягу пью со всеми наравне и нахваливаю. А что мне еще остается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.